
детектив – событие

Читайте детективы Евгении Михайловой, в
которых истина и любовь побеждают
всегда, несмотря на самые тяжелые
испытания!

Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням

Евгения Михайлова

БЕГУЩАЯ ПО ОГНЯМ

Москва
2022

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Михайлова, Евгения.

М69 Бегущая по огням : роман / Евгения Михайлова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детектив–событие).

ISBN 978–5–699–71528–2

Алла не находила себе места — Оля пропала, а она так и не успела оформить над девочкой опеку! Родители Оли исчезли несколько месяцев назад, и теперь настала очередь дочери...

Частный детектив Сергей Кольцов решил провести отпуск в родительском доме. Однако отдых был прерван, когда по дороге в магазин его мама обнаружила тело убитой девушки. Кольцов пока не знал, что ему придется вести не одно, а два дела одновременно...

Настя никак не могла выбраться из душившей ее депрессии. И только участие в поисках пропавшей девочки, которыми занимался сосед Сергей, помогло ей вернуться к жизни и понять: не стоит гневить судьбу...

Согласно «теории шести рукопожатий» все мы связаны друг с другом незримыми связями. Но мало кто догадывается, как эти связи могут оказаться опасны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-71528-2

© Михайлова Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Все события и персонажи романа вымышленные

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покойники снятся к дождю. Дерьмо — к деньгам. Спутанные, выпадающие волосы — к беде. Собственный страх снится только к тому, что он есть на самом деле. Резкие, яркие картинки, пробуждение в холодном поту — все это означает одно: опасность рядом.

Глава 1

Частный детектив Сергей Кольцов устроил себе отпуск. Просто осуществил свою навязчивую идею, главное желание, в котором иногда стеснялся признаться самому себе. А тут — закончил очередное, не самое сложное, но очень муторное дело, посмотрел на градусник на балконе: «Кошмар, я уже вяленый продукт», — заглянул в холодильник на кухне, сказал этому тупому агрегату без внутреннего содержания: «Я не могу терпеть бесполезную мебель. Надо тебя менять на скатерть-самобранку». На том, что давно пора его помыть и протереть, Сергей заикливаться не стал. Нервы не железные. И он быстро набрал мамин номер.

— Привет, ма. Ты в порядке?

— У меня все по-прежнему, сыночек. Волнуюсь. За тебя. Как твоё дело?

— Нормально. Слушай, на меня прямо вот сейчас, с потолка, обрушилась гениальная идея. Отпуск! Ты помнишь, когда я был в отпуске? Я — нет.

— Я помню, но это неважно. Это очень хорошая идея. Сейчас можно заказать тур на море на любое количество дней...

— Ты меня не дослушала. То, что ты предлагаешь, — не гениальная идея. Я не хочу вставать, идти с чужими людьми на завтрак, не хочу жариться на солнце, мне и так жарко... В общем, не нужен нам берег турецкий. Мам, я никогда тебе не говорил, но я живу с мечтой. Тебе интересно?

— О чем ты спрашиваешь! Или ты дурачишься, как всегда?

— Я серьезно. Я все время хочу вернуться в детство. К тебе. В такой отпуск я постоянно хочу. Чтобы ты меня будила словами: «Деточка, все уже обедают». Хочу ныть над глазуньей, что у нее растекся один желток. Мама, я хочу, чтобы ты мне варила компот из вишен, чтобы ты сидела рядом со мной, когда я буду засыпать. Чтобы рассказывала, как никогда бы не поверила в то, что я стану очень умным. Таким я был клоуном. Ты думаешь, я шучу?

— Что ты, Сереженька! Я плачу. Я жду тебя. Точнее, я побежала за вишнями. И очень постараюсь, чтобы у глазуньи потек один желток... Какой же ты у меня... Чудесный.

Сергей бросил в рюкзак какие-то вещи, отключил от сети компьютер и домашний телефон. В маминой квартире в его комнате все будет так, как было раньше. Тот же диван, тот же стол, ноутбук, который он, конечно, не собирается включать. Они будут рано ложиться и очень поздно вставать. И вообще. Человек отдыхает только в лежачем состоянии, если он, конечно, в остальное время работает. И, самое главное, на его диване в маминной квартире Сергею показывают самые любимые сны.

Мобильный телефон он заблокирует. Иначе все испортят. О! Как здорово он придумал — исчезнуть для всех и оказаться в детстве.

У них все получилось. Они были так счастливы вдвоем, так понимали друг друга, делали, что хотели. Точнее, Сергей ничего не делал. Вот уже три дня он разговаривал с мамой, составлял ей компанию, когда она готовила еду, убирала, стирала. Он постоянно предлагал помощь, но Марина Евгеньевна в ужасе говорила: «Ты что! Ты дискредитируешь свою гениальную идею, я прекрасно все сделаю сама. Ты только мне мешаешь. Просто подними ноги на диван». Он ел крошку, гаспачо, котлеты, вишневый компот и мороженое. Ему все так нравилось, что он стал побаиваться: «Мам, я не стану умственно отсталым от такой жизни? Ты все знаешь про медицину. Это меня не Альцгеймер прихватил?»

Мама очень много смеялась. Она, конечно, не стала говорить Сергею, что вообще смеется только в его присутствии. Не хватало, чтобы у него появилось чувство вины. Но они так были привязаны друг к другу. Надолго не разлучались. Она была его классной руководителем в школе, преподавателем литературы. Любила в жизни одного мужчину: отца Сергея, такого же голубоглазого блондина, как и сын. Он был летчиком и однажды не вернулся. Самолет разбился...

— Давай я тебя постригу, — предложила мама Сергею.

— Я опасаясь, — ответил он просто от лени. — Ты можешь меня обкорнать, как соседского пуделя, помнишь? Был вполне себе пес, получилась стриженная крыса. Я боялся, что его хозяйка тебя убьет.

Но она все же привела в порядок его густые волнистые, очень светлые волосы и сказала: «До чего же ты красив». Мама считала, что ребенку нужно постоянно говорить комплименты, чтобы не потерял чувства полноценности.

Сергей улыбнулся и внимательно посмотрел на нее.

— Раз пошла такая пьянка, извини, раз мы впали в такую идиллию, хочешь, скажу, на кого ты мне всегда казалась похожей? На Ирэн из «Саги о Форсайтах». Только на очень скромную Ирэн, которая боится быть яркой, заметной. В общем, учительница в тебе задавила Ирэн. А так — карие глаза, волосы, как сказано в книге, «цвета мертвых листьев». У тебя и седины нет совсем.

— Не могу поверить, — сказала мама. — Я таких комплиментов в жизни не слышала. Вот мне повезло! Все. Я надену свое лучшее зеленое платье и пойду в «Перекресток» за продуктами. Есть заказы?

— Пива купишь?

— А. Вот в чем дело. Куплю, конечно. А начал издаека — Ирэн...

— Не в этом дело, — серьезно ответил Сергей. — Я правду сказал.

Когда Марина Евгеньевна ушла, он послонялся по квартире, потом разделся до плавок, позагорал на раскладушке на лоджии. Солнце светило ему прямо в лицо, но это было очень приятно. Потому что он уже спал и снился ему золотой дворец. В нем были золотые стулья, столы, в золотых вазах стояли золотые цветы.

— Сережа, — раздался мамин голос.

Он сразу резко вскочил. Эту интонацию он услышал бы сквозь любой сон.

— Что случилось?

— Мне кажется... Не только мне. Со мной была соседка Вера. Там, недалеко от магазина, под деревом у дорожки... Лежит что-то ужасное.

— Точнее!

— Вера говорит, это похоже на труп. Я не могла рассматривать. Запах... И мухи. Что-то, завернутое в красную тряпку.

Сергей задумчиво посмотрел в окно. На солнце сейчас все сорок. У большого магазина. Запах, мухи. И до сих пор никто, кроме мамы, не заметил.

— Может, позвоним по 02? — спросил он практически без надежды. Его мягкая, нежная мама была катастрофической максималисткой. Раз она на это наткнулась, отпуск закончился. Они должны все узнать, всем помочь, кого-то разоблачить, раз уж оживить не получится.

— Они не станут разбираться, — сказала Марина Евгеньевна. — Может, это им действительно не по силам. Но, ты понимаешь, там нет машин, проезжей части, только узкая дорожка от наших нескольких домов... То есть... Я же всех знаю здесь.

— Я понял твою мысль. Может, это не человек? Большая собака, к примеру?

— Какая разница? — спросила мама. — Собак тоже хоронят иначе.

— Ну, что ж. Я пошел. Дай мне перчатки, в которых ты моешь пол.

Глава 2

Алла легла очень поздно: писала репортаж о фотовыставке для своей газеты. Там были представлены работы известных фотохудожников. Ей, конечно, понрави-

лось. Талантливо. Но очень многие работы показались ей мрачными и депрессивными. Сплетенные темные ветви, скорбные лица, смятенные глаза... Да, веселых толстеньких детишек и забавных пушистых котят было мало. Но все же они были. На них бы ей и смотреть, чтобы настроение поднять. Но нужно ведь написать нормальный материал. В часа два ночи она закончила, легла, к трем провалилась в сон. А проснулась в шесть, хотя можно было спать до девяти. Она лежала, свернувшись в клубочек, как любила с детства, и не могла распрямить спину, раскинуть руки и ноги, вдохнуть глубоко, до конца. В ней что-то дрожало, мысли были вязкими, беспросветными. Алла пыталась вспомнить, что ей снилось. Снились фотографии, которые она видела вечером. И что-то еще, тягостное, уже почти привычное. Из-за этого она так рано проснулась и больше не могла уснуть.

Алла сделала над собой усилие, встала, подошла к зеркалу. Внимательно посмотрела на свое узкое бледное лицо, большие темные глаза... Господи, на выставке она видела несколько похожих лиц: видимо, они привлекают внимание фотохудожников. Когда она смотрела на те фотографии, думала, что в этих людях есть тайна, боль или болезнь... Сейчас она видит то же самое в зеркале. Что с ней? На работе все нормально. Развод с мужем пережила, переболела, хотя это было ужасно. Да нет, не более ужасно, чем у других. Она сначала поняла, что он ее не любит. Потом узнала, что у него есть другая. Потом увидела его с этой другой, она оказалась заметно беременной. Дальше все было обидно, унижительно для нее, но достаточно просто по нынешним временам. Она ушла к матери в их общую трехкомнатную квартиру, освободив мужу место для другой и ее потомства. Аллу муж со

дня свадьбы заставлял принимать разрекламированные противозачаточные таблетки. Впоследствии оказалось, что они очень вредны. Однажды ее увезли с приступом удушья с работы. Выяснилось, что у этих таблеток есть противопоказания: они вызывают образование мелких тромбов в легких. Главный редактор и настоящий друг помог ее отправить в германскую клинику, откуда она вернулась практически здоровой. И с новым чувством к мужу. Он говорил, что они пока не могут иметь детей, потому что ему надо поднять бизнес... Ну, и решал бы эту проблему, только не за счет ее здоровья, а может быть, даже жизни, если бы ей не повезло с клиникой. Но ему было удобно именно так. Какое-то время они жили, как брат и сестра: она сказала, что ей пока нельзя вступать в половой контакт. Это было неправдой, он не собирался ничего менять. И тут появилась эта беременная любовница. Алла спросила у него, прежде чем уйти: «А почему ты ее не заставлял пить эти таблетки?» Он пожал плечами и засмеялся: «Я говорил, но она меня подловила. Это могла бы сделать и ты». Вот такой хеппи-энд ее брака. Ему было все равно, с кем жить, Алла была рада, что это закончилось. И обида давно прошла. Он стал совершенно чужим человеком. Алла уже научилась получать удовольствие от свободы. Правда, мать отнеслась к ее разводу неодобрительно. Она ко всему относилась неодобрительно. Мама...

Алла накинула халат, пришла на кухню. Мать сидела там за столом и пила кофе с тостом. Она без конца ходила по врачам, приносила новые диагнозы, что-то постоянно лечила. Сейчас ей по какому-то поводу нужно было питаться через каждые три часа. Алла давно поняла, что охота за диагнозами и есть мамин диагноз. Она была

физически здоровым человеком. В начале лета они ездили отдыхать в Турцию, плавали на байдарках по порожистым рекам, гребла именно мама. У Аллы кружилась голова, она боялась резких взлетов и падений. Хотя многие любят лечиться. Это не самый большой недостаток.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Алла.

Нина Ивановна подняла на нее бледно-голубые холодные глаза и ответила:

— Плохо.

— Что-то болит?

— Не стоит делать вид, что тебя интересует мое здоровье.

— Оно меня интересует. Почему ты говоришь с таким вызовом, как будто я виновата в том, что у тебя что-то не так?

— Никакого вызова. Как ты можешь быть виновата в том, что для тебя не существует. Ты приходишь поздно, сидишь ночь за компьютером, я удивляюсь, как ты меня вообще заметила.

— Мама, я тебя всегда замечаю. В чем дело? Я мешала тебе спать?

— Я не спала.

Мать смотрела в стену упрямо, непримиримо, разговор был бессмысленный, безрезультатный. У них нет поводов для конфликтов. У них больше никого нет, они — семья. Алла отдает матери практически всю зарплату, старается помогать. Чего мать хочет от нее? Чего она всю жизнь от нее хочет? Алле расхотелось кофе, она вернулась в свою комнату, вновь легла, крепко сжала веки. Она увидела...

Молодая женщина с холодными светло-голубыми глазами выходит во двор, смотрит на детскую площадку. Там худенькая темноглазая девочка идет, как гимнастка,

по краю песочницы. Но тут в нее летит бутылочка с пепси-колой, она вздрагивает, падает в песок, красивое голубое платье покрывается мокрыми пятнами, тут же становится грязным. Девочка в ужасе пытается стереть грязь, но становится только хуже. Мальчишка, бросивший бутылочку, хохочет. Он хороший и добрый, просто немножко дурак. Женщина подходит к песочнице, берет девочку за руку, и со стороны кажется, что она просто помогает ей идти. На самом деле у девочки темнеет в глазах от боли и страха. Сильные пальцы впились в руку, завтра на ней будут синяки. Но страшнее всего идти домой, потому что мать будет ее бить долго, молча, жестоко, как робот, — без гнева, возмущения и жалости. Механические удары, беспощадные белесые глаза. Эти двое — Алла и ее мать.

Алла широко открывает глаза, вспоминает взгляд матери, с которым встретилась сейчас на кухне, и понимает, отчего ей так трудно дышать в собственном доме.

— Она сумасшедшая, — шепчет Алла слова, которые столько лет боялась произнести. — Она похожа на убийцу.

Глава 3

Сергей быстро нашел место, о котором говорила мама. Через дорожку от него под другим деревом спокойно сидели мигранты и перекусывали. Да... Это дворники. Какой запах, однако. И не мешает.

— Эй, — окликнул их Сергей. — Вы не знаете, что это и когда появилось?

Они долго и удивленно смотрели на него, потом пожали плечами.

— Нэт, — сказал один и продолжил жевать.

Сергей надел мамины резиновые перчатки, потрогал содержимое темно-красного покрывала или мешка, согнав при этом с него больших зеленых мух. Постоял пару минут в раздумье. Затем стянул перчатки и достал мобильник, который подзарядил и разблокировал перед выходом из дома.

— Приветствую вас, Александр Васильевич. Узнали?

— Нет, Сережа, не узнал, говорю это для того, чтобы ты стал богатым. Или это уже случилось? Я звонил: у тебя телефон недоступен. Получается, клиенты больше не нужны?

— Отдыхаю я, Александр Васильевич. У мамы. По крайней мере, отдыхал еще полчаса назад. Тут такая история...

— Я понял, что история. Неужели клиенты тебя у Марины Евгеньевны нашли?

— Да нет. Печалька. Клиентов нет, а расчлененка, похоже, есть... Мама наткнулась, когда шла из магазина. Когда шла в магазин, сверток кусты закрывали, а на обратном пути она его заметила, с той стороны ничего не растет.

— Твоя мама, мне кажется, живет в приличном районе Москвы. Можно позвать участкового или позвонить по ноль два... Нет? Не наш метод?

— Мама считает, что нет. У нас тихое место, здесь нет проезжей части, вообще нет машин. Это случилось или в одном из немногих домов, или рядом с ними... Мама живет тут всю жизнь, она допускает, что может знать людей, у которых случилось несчастье. Может знать жертву или даже убийцу.

— Какие идеи?

— Земцов в командировке. Я не работаю ни с кем, кроме вас. Мама в чем-то права: вызову полицию, увезут, скорее всего, с концами. А она потом заставит меня искать.

— Ты так часто повторяешь слово «мама», как будто объелся манной каши.

— Почти угадал. Глазунья, компот, мороженое. Сегодня первый раз попросил мне пива купить, оказалось — не к добру. Александр Васильевич, вы же поняли. В дар прошу принять. Вдруг опознать получится.

— Это, конечно, может получиться, но каким образом принять...

— Я думаю, простым. Вы, к примеру, сами это и нашли. С моей мамой шли из магазина. И к себе в лабораторию привезли. Вот такая официальная версия. А по факту мы с мамой — ваши клиенты. Ну, не жить мне иначе. Она никогда в жизни меня не наказывала. А сейчас в таком состоянии... Может даже сладкого лишить.

— Легкий ты парень, а как втянешь в какую-то историю, мало не покажется. Говори, куда ехать. Примем расчлененку, как ты просишь, в дар.

Сергей посторожил страшную находку минут сорок. Мигранты закончили трапезу и ушли. Люди спокойно проходили мимо из супермаркета и тоже ничего странного не замечали и даже не унюхали. Сейчас приедет Александр Васильевич Масленников, эксперт по особо важным экспертизам и... Черт бы побрал ту сволочь, которая убила кого-то солнечным жарким летом, оставила в таком месте, мимо которого проходила его мама. Сергей, конечно, не собирался сильно напрягаться, но Масленников точно даст конкретную информацию, а от нее потянется ниточка. Или не потянется. Но все это будет сидеть в голове,

притягивать факты, которые придется отбирать и анализировать. Мама не успокоится. Она действительно знает здесь практически всех. Их безмятежная игра в детство безжалостно прервана. Она ведь может даже перестать варить ему компоты! А вот и Масленников со своими лаборантами.

— Слушай, Сережа, — сказал Александр Васильевич. — Мы быстро упакуем это в мешок, погрузим, ничего на месте смотреть не будем. — Он посмотрел на сверток, куда вернулись мухи. — Даже время сейчас не определяю. Такая жара, самый солнцепек.

— Это точно человек? — перепроверил себя Сергей. — Я чуть дотронулся, большая собака может выглядеть в мешке так же.

— Это человек, и ты прекрасно это понимаешь, — ответил Масленников. — Запах не перепутаешь. В общем, ребята, забирайте, у себя оформим как нашу находку. Но вы все — свидетели того, что на самом деле нам подсунил работу Кольцов, который очень переживает, что мы бездельничаем без него.

Сергей грустно пожал Александру Васильевичу руку, посмотрел вслед их машине, отправился домой.

— Мама, — сказал он, войдя в прихожую. — Я сделал все, как ты сказала. Сейчас лучший на свете эксперт повез твою находку в свою лабораторию. Твои перчатки я выбросил, сейчас приму душ, потом дай мне мое пиво. И начинай работать частным детективом. Поскольку я ничего делать не собираюсь. У меня отпуск! У меня нет клиента!

— Мой дорогой! Я буду стараться, — виновато сказала Марина Евгеньевна. — Но у меня не получится. Мне жаль... Ведь у тебя была гениальная идея.

— Ты не собираешься ее совсем разрушить? — строго спросил Сергей. — Сразу скажу тебе свое главное правило. Я никогда не бегаю за фактами, не успеваю: они сами бегают за мной.

— Такой принцип? — улыбнулась Марина Евгеньевна. — Тогда все не так плохо. То есть кое-что ужасно плохо, но мы спасем твой отпуск. Ну, хоть немножко.

Глава 4

Алла два раза перечитала свой материал, поправила, переслала заведующей отделом Ларисе Николаевой. Позвонила ей, сообщила, что вернулась с выставки поздно, писала почти всю ночь, придет немного позже.

— Смотри, — сказала Лариса. — Для тебя ничего срочного. Мы даже не решили еще, пойдет ли репортаж в этот номер. Но даже если пойдет, я его поведу. Можешь сегодня отдохнуть. Голос у тебя какой-то умирающий. И вообще, раз уж мы об этом заговорили: ты стала такая худая и зеленая, надо что-то делать.

Лариса была из тех людей, которые не приемлют пассивного отношения к чему бы то ни было в принципе. Ее основная реакция: надо что-то делать.

— Например? — поинтересовалась Алла.

— Лечиться, завести хорошего любовника или поехать за границу. Можно даже в командировку.

— И какой вариант тебе кажется предпочтительным?

— Все три. Я выбиваю командировку, мы вместе приглядываем тебе любовника, он едет с тобой, по ходу оплатит там твое обследование.

— Ужас, — сказала Алла. — Ничего более безнравственного мне еще не предлагали.

— И, что характерно, никто и не собирается предлагать. Пока я за это не возьмусь.

— Ты же не сию секунду возьмешься? — умоляюще спросила Алла. — Лара, а реально не выпалась. Давай сегодня без радикальных решений. Раз у меня выходной.

— Да, выходной. Только будь на связи: у меня могут возникнуть вопросы по материалу. А так — погуляй, позагорай, купи себе что-то симпатичное. Какое-нибудь яркое платье. Хочешь, я выскочу, и мы забежим в пару магазинчиков? — Лариса опять зафонтанировала идеями.

— Спасибо. Давай не сегодня, хорошо? Ты права: надо сначала загореть. Сама подумай: как будет смотреться яркое платье на том зеленом кошмаре, которым я, по-твоему, являюсь.

— Ты что, обиделась? Я же из лучших побуждений. Ну, немного преувеличила, возможно. Чтоб ты поняла, что...

— Надо что-то делать. Я поняла. Я не обиделась, Лариса. Наоборот, очень тронута. Конечно, мы что-нибудь придумаем. Так я отдыхаю?

Лариса прервала разговор с явной неохотой. Она любила сразу осуществлять свои планы по совершенствованию жизни других людей. Алла облегченно вздохнула. По крайней мере, Лариса приступит к своей интенсивной терапии не сегодня. Алла задумчиво посидела за столом, глядя на фотографию в серебряной рамке: она и мама на фоне ярко-синего моря. Алла выглядит старше своих двадцати шести лет из-за слишком серьезного, почти трагического взгляда темных глаз. Мама — моложе своих сорока пяти. Гладкое лицо, а светлые глаза вообще лишены выражения. Темные волосы Аллы стянуты сзади в хвост, у мамы — модная, короткая стрижка. По этому

фото непонятно, есть ли у них какая-то разница в возрасте. Но их никто не примет ни за сестер, ни за подруг. Алла подумала о том, что все люди в ее жизни пытаются ею манипулировать как марионеткой. Мать, муж, даже Лариса... Неужели она настолько слабое, бесхребетное существо? В памяти вновь возникла сцена: девочка идет по краю песочницы, падает, пытается стереть грязные пятна с платья, и никто не понимает, что она больше всего на свете боится ярости собственной матери. Если бы она стояла на краю обрыва и увидела эти беспощадные глаза, она наверняка бросилась бы вниз. Тогда... А сейчас? Алла вдруг схватила фотографию и сунула ее в ящик стола. И тут же на пороге показалась мать. Между ними была связь палача и жертвы. Мать почувствовала малейшее изменение в ее настроении.

— Где фотография? — спросила она.

— В ящике, — спокойно ответила Алла. — Мне нужно было разложить записи для работы, я ее убрала.

— Ну-ну, — скрипучим голосом произнесла Нина Ивановна и направилась к выходу. — Я в поликлинику. В кухне на полке деньги и список продуктов. Купи по дороге с работы.

Алла дождалась, пока хлопнет входная дверь, пошла на кухню, посчитала деньги, прочитала список. Мать считает, что ей нельзя носить больше трех килограммов, а дочери, стало быть, можно тащить килограммов двенадцать. Деньги. Их зарабатывает Алла. Но у нее ничего нет. Ей вот так их до сих пор выдают. На что она купит яркое платье, о котором говорила Лариса? Она даже не может сказать ей, что не посмеет ничего себе купить без санкции матери. Лариса изречет: нужно что-то делать. Но Алла не знает, что делать. Она взяла список, ручку, кото-

рая лежала рядом с телефоном, и написала внизу крупными буквами: «Купи все сама. Я приду поздно». Деньги она оставила, натянула джинсы и майку и вышла из дома.

Просто шла по двору. Ей было жарко, одиноко, то— скливо. И вдруг она увидела свою учительницу литературы. Марина Евгеньевна, как всегда, очень озабоченная, почти бежала к дому с двумя сумками.

— Аллочка, — просияла она нежной улыбкой, когда та ее окликнула. — Как же я давно тебя не видела. Очень хорошо выглядишь, только немного похудела. Ты на работу?

— Нет. У меня выходной, Марина Евгеньевна. Давайте сумки, я вам их донесу.

— Ты что! Они легкие. Там всякая мелочь, все основное я уже купила рано утром. Ну, хочешь, возьми одну и пошли к нам. У меня сейчас Сережа отдыхает. Он будет рад тебя видеть.

— Я его тоже... — неуверенно ответила Алла.

— Что не так? — тревожно спросила Марина Евгеньевна.

— Все так, — улыбнулась Алла. — Я бы хотела с вами посидеть, поговорить. И с Сережкой повидаться, конечно. Просто при нем говорить невозможно. Ну, с тех пор, как он стал великим детективом. Он или шутки шутит, или сразу начинает разоблачать. А я устала. Я хочу, чтобы меня никто не трогал. И не очень хочу, чтобы он на меня смотрел. Я на самом деле плохо выгляжу, мне сей факт только что моя начальница подтвердила. Это вы такая добрая...

— Ясно. Пойдем. Сережу мы отправим спать. Он бодрствует несколько часов в сутки, такой мы ему придумали режим. И в эти часы он ест. Так что он просто не успе—

ет сказать ничего, что тебя бы испугало. А мы посидим. Ты можешь мне ничего не говорить. Приготовим обед. Я расскажу тебе... Мне так хорошо из-за того, что мой мальчик спит в соседней комнате. Пошли?

— Пошли! — рассмеялась Алла. — Надеюсь, он храпит. Я услышу и буду над ним издеваться. Он у вас парень хороший, конечно, но слишком привык, что за ним все бегают. Первый парень в школе и в мире. Я никогда за ним не бегала.

— Знаю, — сказала Марина Евгеньевна. — Ты скромная и гордая. Мой сын немножко избалован, конечно. Моя вина в этом тоже есть. Но сейчас он действительно будет храпеть, и мы вместе станем над ним издеваться. Я согласна. Тем более он отлично к этому относится.

Сергей их встретил, очень обрадовался Алле. Но они дали ему поесть и отправили спать, что он с удовольствием пошел исполнять. Обе с такой надеждой смотрели ему вслед, что он, доставляя им удовольствие, старательно похрапел у себя в комнате, пока не уснул на самом деле. Алла говорила с Мариной Евгеньевной обо всем. О своем браке, о работе. Потом вдруг спросила:

— Что вы думаете о моей маме?

— Очень трудный вопрос, — ответила Марина Евгеньевна. — Давай начнем с того, что тебя беспокоит. Тебя ведь что-то очень беспокоит.

— Она — сумасшедшая, — тихо сказала Алла. — Мне как-то приснилось, что она укусила меня за шею, пила кровь. Она — вампир. Никто этого не знает, но она очень жестоко со мной обращалась, когда я была ребенком. Да и сейчас... Мне кажется, я ей нужна как жертва. Она, конечно, меня любит по-своему, но и ненавидит. Мне с ней

страшно. И она такая хитрая, так умеет это скрывать от других людей. Никто не догадывается.

— Это нельзя скрыть, — мягко сказала Марина Евгеньевна. — Я всегда знала, что у вас что-то не так. Но ты выросла. Ты взрослая, талантливая, сильная...

— Я очень слабая.

— Это не так. Нужно кое-что проанализировать... Ты сказала: она любит и ненавидит. Такой раскол психики бывает при шизофрении. Это страшно звучит, но встречается чаще, чем можно предположить. Ты понимаешь, для меня не новость то, что ты говоришь. Я часто пыталась вызвать на разговор твою маму, и всякий раз был один и тот же результат. Она начинает говорить о тебе как об очень дорогом человеке, потом это все у нее переворачивается, — и оказывается, что она все делает для тебя, а ты вроде этого не стоишь. Извини, что я это тебе сейчас говорю. Просто ты уже взрослая, ты справилась с нелегким разводом, должна многое начать сначала. А выглядишь затравленной, как в детстве. Если твоя мать — психически больной человек, то нам нужно подумать, как спасти твою жизнь. Алла, у меня ощущение, что вопрос стоит именно так.

Глава 5

Они не заметили, как наступил вечер, потому что обе глубоко и тяжело задумались. И вздрогнули от того, что Сергей, появившись на пороге, включил свет.

— Слушай, Алка, — сказал он по-хозяйски. — Наконец-то я вижу тебя в джинсах. Не помню точно, в каком классе тебя переклинило и ты стала носить, извиняюсь за выражение, какие-то бабские платья. А до этого ты

была самой клевой девчонкой в классе. Помнишь, как ты играла с нами в футбол?

— Конечно, — рассмеялась Алла. У нее была очень красивая улыбка, она освещала лицо, как солнечный луч. — Когда ты стоял на воротах, всегда пропускал гол. Ты и тогда был страшно любопытным и пялился даже на ворон. Расследовал их преступную деятельность... Я всегда, между прочим, носила в школу платя. Джинсы надевала только в те дни, когда физкультура была. И потом мы шли играть в футбол. Кажется, в восьмом классе мама решила, что неприлично девочке играть с мальчиками в футбол. Наверное, так оно и есть. Тем более ты тогда был в выпускном, и мне с такими мужиками бегать самой страшно было. Как посмотрю на размер кед — слоны. Искалечат запросто.

— Да, — серьезно сказал Сергей. — Мама, ты не помнишь, в каком классе стала покупать мне обувь в магазине для слонов? Потом это прошло, Алла. Сейчас все нормально, посмотри. У меня идея. Девочке с мальчиками, может, и неприлично играть в футбол, а разведенной женщине с холостым мужчиной — по-моему, в самый раз. Как ты думаешь, мама? Как учительница?

— Ты приглашаешь Аллу поиграть с тобой в футбол? — улыбнулась Марина Евгеньевна. — Мне нравится. Вам обоим полезно побегать на свежем воздухе.

— А пошли! — азартно сказала Алла.

Сергей взял мяч, и они отправились во двор своей бывшей школы. Правда, калитка уже была заперта, пришлось лезть через высокий забор. Им так легко оказалось вернуть прошлое: воздух стал сладким и пряным, как в детстве, движения доставляли бездумную радость, мысли вообще улетели подальше от их беготни. Ноги

стали легкими, а из сердца Аллы ушла тяжесть... Наконец они себя вконец загоняли, и Алла села на траву.

— Все. Сил больше нет. Смысла тоже. Я тебя переигрываю.

— Серьезно? — удивился Сергей. — Я тебя тоже.

— Слушай, давай сходим в одно место. Недалеко, через дом. Расскажу по дороге.

Они опять перелезли через забор и пошли по дорожке к длинному девятиэтажному дому.

— Ты, наверное, не знаешь эту семью, — говорила по дороге Алла. — Ты же давно переехал отсюда. А я заметила этих детей, когда вернулась от мужа. Понимаешь, они жили одни! Две девочки и два мальчика, один совсем малыш — года полтора. Старшая девочка Оля, ей одиннадцать лет, все делала. И в школу ходила, и в магазин, и с детьми выходила. Оказалось, родители у них куда-то уехали и не вернулись. Деньгами и продуктами соседи немного помогали, потом я, как только познакомилась с ними. Однажды младших детей забрали в интернат. Оля осталась в квартире одна. На самом деле считалось, что она живет с бабушкой по линии матери, которая и является владелицей квартиры. Соседи мне сказали, что младших детей забрали именно по ее заявлению, временно, до приезда родителей. Она написала в службу опеки, что не справляется с таким количеством детей. А сама уехала в свой загородный особняк, там у нее муж. В общем, она, скорее всего, заплатила кому-то. А Оля еще и ее квартиру стерегла. Она ходила к нам домой, я к ней, мы с ней ездили навещать сестру и братьев... Короче, ее нет уже несколько дней. Телефон домашний не отвечает, мобильный недоступен.

— Сейчас каникулы. У нее, наверное, есть еще бабушки–дедушки? Наверняка ее к себе взяли.

— Есть. Но я не знаю, где они живут. И я не понимаю, почему она мне не сказала.

— Может, тоже не дозвонилась.

— Может. Или приходила, а мама мне не передала. Матери не нравилось, что она к нам ходит.

Сергей внимательно посмотрел на Аллу.

— Мы идем проверять, не вернулась ли Оля?

— Да. Телефон могли отключить за неуплату, к примеру. На мобильнике могли деньги кончиться... Понимаешь, это очень необыкновенный ребенок. Красивая маленькая девочка, как Мальвина, с длинными, почти белыми волосами. И — практически взрослый, ответственный человек. Она бы побоялась надолго уехать. Она все время ждала родителей.

— Что за родители?

— Я ничего о них не знаю. Она сама не знала, где отец работает. Мать — домохозяйка. Бедные. А бабушка богатая! При этом Оля умудряется хорошо учиться. Я подарила ей ноутбук на день рождения, подключили Интернет... Она была счастлива. Даже гулять не хотела. Сидела за компом. Как–то странно...

Они подошли к подъезду, Алла набрала номер квартиры по домофону, никто не ответил. Подождали, пока кто–то из жильцов вышел, попросили не закрывать дверь, поднялись на третий этаж. Долго звонили в квартиру. Открылась другая дверь на площадке.

— Алла, — сказала соседка, — Оли нет.

— Здравствуйте, Валентина Петровна. Не знаете, за ней кто–нибудь из родственников приехал?

— Может, и приехал. Только я никого не видела.

— Я напишу вам свой номер телефона, хорошо? Позвоните мне, пожалуйста, когда Оля вернется.

— Давай. Позвоню, конечно.

Они вышли в совсем уже темный двор. Алла была расстроена.

— У меня есть ключ от ее квартиры. Просто я не знала, что мы с тобой туда пойдем, и не взяла его. Представляю, какой идиоткой я тебе кажусь, — горько сказала она Сергею. — Взялась опекать ребенка. Ничего не узнала. Ни где работал отец, ни где живут бабушка и дедушка. Точнее, муж бабушки. Оле он не дед. Поеду завтра в интернат к другим детям. Может, Оля к ним приезжала.

— Не переживай. Это все можно узнать.

— Да? — с надеждой спросила Алла.

Они шли к ее дому по узкой дорожке между высокими деревьями, как ходили когда-то после школы.

— Ты привязалась к этому ребенку, — утвердительно сказал Сергей.

— Сначала я их всех просто пожалела. А потом... Знаешь, как у меня получилось. Сначала муж не хотел детей. Потом я уже не хотела от него. И привязалась, как ты говоришь, к Оле. Она уже есть, с ней все понятно. Она умненькая, чувствительная, благодарная, интересная... Никогда нельзя быть уверенной, что у тебя родится такой удачный ребенок. Мне стало казаться... Мне иногда казалось, что она моя дочка. Говорю это первый раз, почему-то только тебе: я решила, если вдруг с ее родителями что-то случилось, я Олю удочерю. Мне хочется ее охранять. У малышей есть шансы, что их возьмет кто-то еще. Оля... Она не всем подойдет. И ей мало кто подойдет. Я непонятно, наверное, говорю. Но она необычная.

— Я понял. И ты необычная. В этом дело.

— И потом ее очень опасно выпускать из виду: она слишком хорошенькая, а люди сейчас такие чудовища... Боже! Вдруг с ней что-то случилось?

— Будем узнавать... Хороший отпуск устроили вы мне с мамой.

— А что не так сделала Марина Евгеньевна?

— Да ничего... Я это к слову. Она меня слишком часто будит и недостаточно часто кормит.

Рассказывать о находке мамы в данной ситуации было неуместно, мягко говоря. Но ситуацию с ребенком нужно прояснить. Они вошли во двор дома Аллы, встали под старой яблоней. Сергей сорвал зеленое яблоко, откусил и выбросил.

— Гадость. А была маленькая надежда, что оно вкусное.

— Ты всегда любил зеленые яблоки, — улыбнулась Алла.

Сергей уверенно и мягко обнял ее, заглянул в темные глаза, тихо произнес:

— Никак не было случая тебе сказать. Твой муж не стоил твоего мизинца. И бизнес его — фуффло, я поинтересовался. Я очень рад, что ты поступила как свободная женщина. И вовремя. Ты ж могла убить на него всю жизнь. С твоей-то порядочностью.

И он поцеловал ее долгим откровенным мужским поцелуем. Алла обняла его за шею и то ли выдохнула, то ли промурлыкала в ухо:

— Как же с тобой легко и просто. И какой ты красивый. Мы всегда будем с тобой только друзьями, только футболистами, потому что я не хочу тебя терять.

— Прокурор потребовал пожизненного срока, — вполне жизнерадостно прокомментировал Сергей.

Она вбежала в свой подъезд, чувствуя себя легкой и желанной. В квартире свет горел только в комнате мамы. Алла сначала вошла к себе, включила бра. Потом постояла, подумала, на лбу появились две глубокие морщины. Она решительно открыла дверь спальни матери. Та лежала в постели и подняла на нее глаза, опустив книгу, которую читала.

— Мама, Оля приходила без меня?

— Я должна это помнить? — холодно ответила вопросом мать. — Приходила ли эта твоя подобрашка? Достаточно того, что я всякий раз мою пол с хлоркой после ее визита.

— Ты себя слышишь? Какая подобрашка, какая хлорка? Ты выживаешь из ума! Оля чище тебя! — Алла почти кричала на мать впервые в жизни. Это подействовало. Нина Ивановна сказала почти примирительно:

— Я всего лишь имею в виду, что мой организм восприимчив к микробам. Может, она и приходила, твоя Оля. Я не могу это помнить. У меня свои заботы.

Алла быстро вышла из ее комнаты, вернулась к себе, постояла, сжав руки. Они дрожали. Она никогда не могла постоять за себя, но за Олю она стоит. Но где девочка?

Глава 6

Приглушенная мелодия телефона втерлась в тягостный сон Аллы, который все не кончался, в нем не было сюжета, только темные коридоры, пустые пространства, растерянность и одиночество. Наконец она сумела вытащить себя из него и взяла трубку.

— Ты что, спишь? — спросила бывшая одноклассница и соседка по дому Тамара.

— Ты всегда звонишь в такое время и задаешь этот вопрос, — постаралась терпеливо ответить Алла. Тамара была немножко, что называется, тормознутой. — Я спала, но раз ответила, значит, проснулась. Спасибо, что разбудила. Пора собираться на работу.

— Пожалуйста, — вежливо ответила Тамара. — Слушай, а я видела!

— Что?

— Как ты с Сережкой Кольцовым вчера целовалась. Вы чего? Вы того, что ли? Как ты быстро. Вроде только развелась. И он тут как тут...

— Тамара, мы поцеловались по дружбе, понимаешь? Обрадовались встрече.

— Понимаю. Конечно, обрадовались. Мы с ним тоже обрадовались встрече на днях. Только со мной он почему-то не целовался.

— Том, давай поговорим в другой раз, ладно? Мне бы умыться.

— Ладно, умывайся. А чего он здесь ошивается? Из-за этого труп, что ли?

— Не поняла. Ты о чем?

— Ты не знаешь??? Ничего себе! Так целовались, что он тебе самое интересное не сказал. Его мать и моя знакомая, ты ее знаешь, она в соседнем доме живет, — Вера, — они труп нашли! Мне сама Вера и рассказала. Сережка кого-то вызвал, труп увезли. Я спросить хотела: а там кто? Вера говорит: в тряпку какую-то завернут был.

— Что? Ерунда какая-то. Я почти целый день провела у Кольцовых. Разговаривала с Мариной Евгеньевной, потом с Сережей... Ты что-то путаешь.

— Ты точно проснулась? Я ж говорю: Вера, моя знакомая, с Сережкиной мамой, Мариной Евгеньевной, шли из нашего магазина. Под деревом лежало что-то, похожее на труп. Сережа кого-то вызвал, так оно и оказалось. Я вас увидела вчера, сегодня с Верой поговорила, мы подумали, ты знаешь, кто там... Вдруг кто-то знакомый.

— Я не знаю, Тамара, — сказала Алла, почти теряя сознание. — Он мне ничего не сказал. Извини, я сейчас не могу говорить. Я позвоню, если что-то узнаю...

Алла разъединилась. Комната кружилась вокруг нее. А нужно было удержать мысль. Почему они от нее это скрыли? Сережа всегда все знает. Он знал о том, что она ищет Олю, что она ее опекала... А если это... Других объяснений нет. Надо ему позвонить. Но ей так страшно, что... Лучше неизвестность. Она не сможет этого вынести. И тут раздался звонок. Это был Сережа. Алла смотрела на дисплей телефона и собирала все силы, чтобы сказать: «Да».

— Привет. Кажется, я тебя не разбудил. Но голос у тебя... Что случилось?

— Мне позвонила Тамара Назарова. Она сказала про какой-то труп...

— Понятно. Назарова всегда бежала впереди паровоза. При этом умудрялась оставаться двоечницей. Алла, это правда. Моя мама и ее знакомая нашли тело убитого и расчлененного человека. находку забрали эксперты. Звоню именно по этому поводу. Главное! Это взрослая женщина! Поняла? Это не Оля! Оля наверняка у бабушки с дедушкой... Слушай, ты плачешь? Возьми себя в руки. Нужно кое-что сделать. Взять из Олиной квартиры фото ее матери. Ну, и отца. Это возможно?

— Да, — всхлипнула Алла. — Ты где?

— На диване.

— Хорошо. Я соберусь и перезвоню. Мне еще нужно с работы отпроситься, купить чего-то малышам и съездить в интернат.

— Я отвезу тебя. Не торопись. Я еще посплю.

Алла вошла на кухню уже одетой. На ней, как и вчера, были джинсы и майка. Нина Ивановна медленно и тщательно пережевывала тосты, запивая их через равные промежутки времени глотком кофе с молоком.

— Мама, — сказала Алла. — Я ищу Олю. Тебе придется ответить на мои вопросы. Приходила ли она к нам без меня? Потрудись вспомнить. Когда это было? Что она сказала?

— Что за тон! Я не могу вспомнить. У меня достаточно своих проблем. Моя дочь живет как ей вздумается. Как ты одета? Где ты шлялась вчера допоздна? Куда ты собралась в таком виде?

— А давай я отвечу в твоём стиле, хорошо? У меня тоже достаточно проблем. Мне некогда отвечать на твои вопросы. И я считаю, что ты могла совершить какое-то преступление. Это так легко: заплатить кому-то, чтобы увезли ребенка... Ну, хоть в далекий детский дом. Я сейчас встречаюсь с частным детективом. Мы будем искать Олю. Если тебе есть что сказать — лучше скажи.

— Ты мне угрожаешь?

— Чем? Я просто говорю, что будет лучше, если ты перестанешь что-то скрывать. Ты маниакально скрытный человек. Я за всю жизнь так и не смогла добиться хоть какой-то информации о своём отце. У меня же был отец, как ни крути! А сейчас ты не хотела, чтобы к нам ходила Оля. Чтобы я ее не любила. Это ведь правда?

— Да. Ты на третьем десятке, а совершаешь только глупые поступки.

— Ты что-то предпринимала, мама?

Нина Ивановна, по обыкновению, смотрела мимо нее в стену молча и непримиримо. Алла поняла, что тратить время бессмысленно. Она просто сказала:

— Мне нужны деньги. Я еду в интернат.

— Денег нет, — ответила мать.

— То есть как? Я приношу и отдаю тебе практически всю свою зарплату и гонорар. Это немаленькая сумма. Ты много тратишь на врачей и лекарства, мы покупаем еду, но у нас должны оставаться деньги.

Алла резко повернулась и направилась в комнату матери, где стояло бюро. Деньги она обычно складывала туда. Нина Ивановна вскочила с места, чуть не сбила ее с ног, опередила и встала перед бюро.

— Ты ничего не получишь!

— Смешно, — серьезно произнесла Алла. — Это ты теперь будешь получать столько, сколько попросишь. Но это будет не вся моя зарплата. Мама, зарабатываю именно я. Хотя никто тебе не мешает делать то же самое. Бухгалтеры нужны всегда. Но это как ты хочешь. А сейчас отойди, пожалуйста. Знаешь, я вчера играла в футбол с Сережей Кольцовым из нашей школы. Я играла с мальчиками в футбол до восьмого класса, пока ты не запретила. И вот о чем я подумала. Я ведь тогда уже была физически сильнее тебя. И дрожала при виде твоих ремней, веревок, которыми ты связывала мне руки. Это кончилось, сообрази! Я не могла постоять за себя, но за ребенка, который мне дорог, я поборюсь. И я узнаю, если ты совершила что-то ужасное. Ты кажешься мне сумас-

шедшей. И это единственное, что тебя как-то оправдывает. Ты не то лечишь!

Нина Ивановна побелела. В мозгу заметались мысли. Что делать? Это то, чего она всю жизнь опасалась. Дочка перестала ее бояться. А другого варианта отношений она не знала. А вдруг Алла начнет мстить? А вдруг... Боже! Она может забрать деньги, она может их больше ей не давать, дочь может притащить чужих детей, вызвать санитаров... Запереть ее где-то. Она же сказала, что сильнее физически...

Алла посмотрела на мать почти с жалостью. Почти. Она бы, как всегда, отступила, сдалась. Просто речь идет не о ней. И она легко отодвинула мать от ящика, выдвинула его, посмотрела на несколько плотных пачек пяти-тысячных купюр, аккуратно разложенных в ряд. Взяла примерно половину, сунула в сумку и вылетела из квартиры, дома, где выросла, с чувством отвращения к себе самой, к этому дому, к своей жалкой жизни маминой рабыни, которая только раз перешла в рабство к мужу, быстро ставшему постылым. Сейчас у нее есть цель, дело, и так просто оказалось раздвинуть темные шторы своей безрадостно скудной судьбы. Все еще будет. Ее же поцеловал вчера Сережа Кольцов, в которого была влюблена вся школа, включая учительниц.

Глава 7

Тамара видела в окно, как из подъезда вылетела Алла и побежала куда-то. Она смотрела на ее узкую спину, тонкие ноги в обтягивающих джинсах, хвостик из негустых темных волос и удивлялась. Алла почти не изменилась со школы. Сойдет за несовершеннолетнюю. И лицо

то же — бледное, худое, только глазищи темные торчат. Разве это женщина? Вот как понять мужчин? Алку сразу после института выхватил бизнесмен. Ну, потом выгнал, наверное, хотя все говорят, что она сама ушла, но это другой вопрос. За ней бегали ребята в школе, хотя она всегда была похожа на монашку. Ей мать даже краситься не разрешала. Да и сейчас... А главное, Кольцов с ней вздумал целоваться! Совсем, что ли, крышу у него снесло от следопытства? Не то чтобы он нравился Тамаре, просто обидно. То есть он ей, конечно, нравился, как и многим, а смысл? Как-то всем было ясно, что тут ловить нечего. У него еще в школе были крутые романы: то с балериной, то с пианисткой, то с дочерью самых богатых родителей в их школе, он эту девчонку, кстати, бросил, как и всех предыдущих. На самом деле было, конечно, что-то и между ними — так считала Тамара. Он пригласил ее танцевать на школьном вечере. Потом проводил домой. Она на следующее утро ждала его у их класса, подлетела к нему, счастливая, ожидая предложений, а он вообще не понял, в чем дело. После школы пошел с другими девчонками, с отличницами, которые ее не замечали. Она плакала дома. Пожаловалась маме. Та, вечно усталая и удрученная, погладила ее по голове.

— Не реви. Твое счастье, что ты не успела в него влюбиться, что не обидел, не посмеялся и вообще... Знаешь, поговорка такая есть: «Красивый муж — это чужой муж».

— В каком смысле? — спросила Тамара.

— Изменяет, — объяснила мать. — Оно тебе надо?

Тамара тогда удивленно уставилась на нее. Че это она? Ей вроде отец не изменяет. Ему просто не до того. Он — охранник. Приходит с работы, поест, телик посмотрит под рюмочку — и спать. Никому не мешает. Ошиб-

кой своих родителей Тамара считала своего брата, на год ее моложе. Кому нужна была такая спешка. Вот и вырос полный придурок. Он всегда был нахальным, противным и жадным. Сейчас устроился на какую-то фирму, Тамара точно не знает кем. Просто неинтересно. Что это за фирма такая, если ей нужны сотрудники, которые носят рубашки в цветочек, а волосы завязывают сзади, как не знаю кто. Они у Генки длиннее, чем у Аллы. Между лопаток болтается жирный хвост. Роба — со спины видать. Все время ест. А они ему машину купили! Тамара была в шоке. Сначала мотоцикл у него был, сейчас машина. А она на свою зарплату в «Ашане» еще еду домой приносит. Ей мать жалко. Та всегда замученная, потому что мужики в семье... Не мужики никакие. Тамаре такие мужья и даром не нужны. За ней в магазине кое-кто приударяет. Но все не то. Всякие интересные брюнеты и блондины, которые покупают все самое лучшее, несут в дорожные тачки, — они ее в упор не замечают. Как будто она невидимка. Тамара подошла к зеркалу. Она себе нравилась. И мама говорит, что она симпатичная. Конечно, кто-то называет ее толстой, но она просто в теле. У нее есть то, что должно быть у женщины. Не пигалица, как Алла. И лицо: круглое, румяное, хорошие зубы, ямочки на щеках. Глаза, конечно, могли бы быть побольше. Но, с другой стороны, зачем? Чтоб тарашиться, как привидение?

Разложив все по полочкам, как она любила, Тамара с удовольствием зевнула и подумала: что лучше — поспать или поесть? У нее был выходной. Она вышла из своей комнаты, пошла на кухню, открыла холодильник и стала задумчиво изучать его содержимое. И вдруг ее кто-то сзади обхватил, сжал полуоткрытую в вырезе летнего

халата грудь. Что значит, кто-то? Этот придурок! Тамара, не оборачиваясь, двинула локтем братцу прямо в нос.

— Ты что! Свихнулась совсем? — взвыл он. — Корова бешеная. Я пошутил! Ты мне нос разбила. Кровь идет!

— Ты не помираешь от этого? — спокойно спросила Тамара, доставая коробку яиц, масло и сыр.

Генка похлопал носом, смыл кровь с лица под краном и попросил как ни в чем не бывало:

— Сделай и мне яичницу с сыром.

— Больше ничего не хочешь? Я в магазине каждый день стою на рубке мяса, еще и в выходной буду кого-то обслуживать. Сам себе делай! Машину тебе купили, а не мне. А продукты я приношу. Для себя и родителей. Что-то я не видела, чтоб ты что-то в дом приносил. Только выносишь.

— Какая ж ты, — сплюнул в раковину брат, — вот никто замуж и не берет. Зайду лучше в кафешку нашу. Там хоть нормальные бабы работают.

— Давай, — сказала Тамара. — Может, тебя кто возьмет. Может, переедешь отсюда, а то мать уже загонял. Дай-подай, все сразу...

Геннадий пошел в свою комнату, достал очередную пеструю рубашку, переоделся, грязную бросил в бак в ванной. Громко и демонстративно хлопнул входной дверью. Тамара сделала себе омлет с сыром, намазала маслом приличный кусок белого хлеба, порезала помидор, села и стала есть медленно, со вкусом. Потом так же обстоятельно взбила молочный коктейль с мороженым и свежей клубникой.

— Мам, — крикнула она. — Иди сюда, я коктейль сделала.

Мать вошла, взяла стакан, благодарно улыбнулась, устало опустилась рядом.

— Гена ушел? Он поел? Не знаю прямо. Он, наверное, дерется с кем-то. Доставала сейчас рубашки его из бака, некоторые в крови...

— Это я ему нос разбила. Лез.

— Что ты такое говоришь! Он шутит. А ты сразу — в нос! И часто ты это делаешь?

— Один раз. В смысле — первый. Сейчас.

— А кровь и на других рубашках есть. Наверное, все-таки дерется.

Глава 8

Она тонула в болоте. Задышалась, пыталась кричать, но голос пропал. Наконец схватилась за какую-то ветку, которая появилась неизвестно откуда, подтянулась, начала выбираться, почувствовала под ногами дно... Силы кончались. Она ползла по вязкой грязи, как змея. Выбралась на берег и повалилась на сухую потрескавшуюся землю без единой травинки. Провела руками по волосам: залеплены грязью. Она стала их раздирать непослушными пальцами и с ужасом почувствовала, как целые пряди остаются у нее в руках.

— Ты чего? — потряс Татьяну муж, дохнув на нее привычным запахом перегара. — Мычишь, как будто тебя режут.

Татьяна открыла воспаленные глаза и вздохнула глубоко.

— Спи, Коля. Просто сон плохой.

Муж повернулся к ней спиной и тут же ровно задышал. Татьяна приподнялась на локте и прислушалась. У нее

был от природы чуткий слух и еще одно приобретенное качество. Она сразу слышала и понимала, что происходит в разных комнатах их квартиры, кто и чем занят. Кто дома, кого — нет. Дочь Тамара похрапывала в своей спальне, лежа на спине. Татьяна иногда вставала и шептала ей, чтобы повернулась на бок. Нехорошо, когда девушка храпит. Она встала и сейчас, открыла дверь в комнату Тамары, та действительно лежала на спине с открытым ртом. Татьяна передумала ее будить. Пусть спит, как ей слаще. Какая у нее жизнь: дом да работа. Флегматичная, покладистая, не очень умная, зато не ленивая, заботливая, — Тамара всю жизнь у них на втором плане. Старшая сестра. Когда она родилась, Коля был так расстроен, разочарован. Ему нужен был только сын. Татьяна даже испугалась, что он дочку не будет любить, может, вообще возненавидит. И они решились! И получилось! Всего через год у них родился здоровый крупный малыш. Назвали Геннадием. Коля ей тогда сказал: «Вот теперь я — настоящий мужчина». У них было трудное время: двое маленьких детей, но они тогда были счастливы. Коля решил, что она не будет работать вообще. Сам стал хвататься за любой заработок. У него золотые руки, просто как-то не до образования было. Работал и ремонтником, и строителем, по выходным еще и бомбил на своей машине. Он хорошо обеспечивал семью, Татьяна с детьми отдыхала на море, в доме было все, что нужно. Но думал Коля только о будущем сына. Он хотел, чтобы тот стал военным, сделал карьеру... В общем, он хотел видеть в сыне то, чего не было у него самого. Тамара с детства поняла, что она всего лишь старшая сестра, в семье главный — Гена. Принимала это как должное, всегда могла заменить мать. И купала брата, и кормила. Потом

научилась квартиру убирать, готовить. Училась неважно. Но их это не особенно волновало. Ясно было, что институты ей не светят. Счастье кончилось неожиданно и странно. Что-то пошло не так. Хотя они долго в этом друг другу не признавались.

Тома была очень предсказуемым, управляемым ребенком. Гена — веселым, активным, своенравным. Поначалу им это очень нравилось. Таким и должен быть мальчик. Потом начались проблемы. Как-то Татьяна с Тамарой возвращались домой из магазина и увидели у подъезда красивую белую кошку с большим животом.

— Господи, — сказала Татьяна. — Она ж тут родит.

— Мам, — взмолилась Тамара. — Давай возьмем. У нее будут белые котятки. Они такие красивые.

— Давай, — согласилась Татьяна. — Раздадим потом, не оставляя же ее здесь.

Коля немного поворчал, когда они притащили кошку. Гена очень обрадовался. Все спрашивал, когда будут котятки. Они родились через несколько дней. Дети целыми днями сидели и смотрели, как они сосут мать, как ползают. Как-то Татьяна вошла в кухню, где за ширмой находилось кошачье семейство, в тот момент, когда Гена пытался открыть котенку глазки. Она объяснила ему, что этого делать нельзя, глаза должны открыться сами. Котята прозрели, стали смешными, пушистыми, Татьяна уже подыскивала им хозяев, дети просили: пусть побудут у нас... А потом это случилось.

Татьяна встала рано утром и поразилась какой-то странной тишине в квартире. Сразу выскочила на кухню. Там, на всех крючках для полотенец, на ручках шкафчиков и даже на подлокотнике кресла были повешены все шесть котят. На петлях из лески. Кошка-мама лежала

посреди кухни с разрезанным животом. Татьяна разбудила мужа. Он смотрел на все хмуро, потом сказал:

— Ты только не сходи с ума. Он — ребенок. Для него это игрушки. Надо все убрать.

— Что я скажу Томе? — заплакала Татьяна.

— Придумай что-нибудь, — пожал плечами муж.

Она убрала, закопала всех в сквере за домом, что-то придумала для Тamarы. Это было несложно: девочка ей верила во всем. А с Генной разговор не получился. Он смеялся. Именно это ее так испугало, что она, скрыв от мужа, повела его к детскому психиатру. Тот долго с Генной разговаривал, стучал по коленке, заставлял что-то рисовать, показывал разные картинки и спрашивал, что он видит... Потом сказал: «Выйди в коридор и подожди маму там».

— Что? — спросила Татьяна, когда они с доктором остались одни.

— Ничего особенного, — сказал тот. — Я не стал бы драматизировать. То, о чем вы рассказали, можно трактовать даже как детскую любознательность: а что будет, если сделать так? По тестам — он психически здоров.

— Может, ему попить какие-то лекарства от нервов? — спросила Татьяна.

Доктор рассмеялся.

— Какие лекарства. У вашего ребенка нет нервов. От этого нет лекарств. И это не так уж плохо. Ему не грозят депрессии и стрессы. Если направить его энергию в нужное русло, он может далеко пойти. Я такой тип личности знаю, он называется: «Нет проблем». Советую вам выбросить из головы историю с кошками, животных дома больше не держать, могу вам выписать успокоительное.

Они стали жить как раньше. Вроде бы все забыли эту историю. Тамара точно забыла. Коля продолжал работать как заведенный. На его деньги все лучшее покупали Гене. Лучший велосипед, мобильник, планшетник, компьютер, потом мотоцикл, потом еще и еще... Потребности росли. А по ночам Татьяне стали сниться вот такие страшные сны. Коля начал выпивать и почти перестал разговаривать дома. И дело, конечно, не в той давней истории, а в том, что у их сына действительно нет не только нервов, но и любви ни к кому из них. Он все время чего-то хотел, он никогда не истерил и не скандалил, но, если бы они ему помешали, он бы их отбросил и переступил. Она чувствовала постоянный холодок в сердце, Коля просто тупел на глазах. Когда Гена поступил в военное училище, Коля устроился охранником на закрытое предприятие, зарплата его устраивала, а рваться, чтобы еще подработать, он перестал. Из училища Гену выгнали за драку. Но он несколько не расстроился, а самостоятельно и очень быстро устроился в какую-то «крутую» и непонятную фирму. Из тех, что ничего не производят и даже ничего не продают. Денег его они не видели. Наоборот: постоянно давали ему. Не так давно Татьяна, как всегда, под утро пошла на звук, приоткрыла дверь его комнаты, увидела сына на кровати с девушкой. Она стояла и смотрела. Гена и девушку не любил. Он использовал ее как неодушевленный предмет, поскольку сам был неодушевленным. Татьяна тогда сделала открытие: половина ее жизни ушла на то, чтобы родить и вырастить вот это существо. Он не совсем человек. Значит, остальную часть жизни ей надо быть готовой ко всему.

В эту ночь его дома не было. Так часто случалось. Татьяна даже не приходилось заходить в его комнату, чтобы в этом убедиться.

Глава 9

Сергей вылез из машины и пошел навстречу Алле. Она появилась из подъезда, в котором жила Оля.

— Привет. Что-нибудь получилось?

— Ой, — прерывисто вздохнула Алла. — Я там тряслась почему-то. Боялась, что кто-то войдет... Ее родители или убийцы... Рылась в чужих бумагах. Не знаю, взяла какие-то документы, альбома с фотографиями у них не нашла. Только в ящике стола завалилась бледная любительская фотка. Мать, отец, Оля и кто-то совсем маленький у матери на руках. Я даже не поняла. Наверное, нам она не поможет, так как все нечетко...

— Пошли в машину, — предложил Сергей. — Успокойся. Разберемся. Я уже пробил их квартиру. Да, она принадлежит Олиной бабушке, мать зарегистрирована давно, в смысле — там родилась, отец — недавно. Он из Молдавии приехал. Он точно родной отец?

— Я не знаю.

— Может, кому-то и родной. Другой недвижимости на бабушку я не нашел, значит, она живет в доме мужа. Пока не выяснил где. Она овдовела давно, второй брак, вероятно, гражданский.

— Ужас. Какая путаница.

— Никакой путаницы. В любой семье свои нюансы. Алла, пить не хочешь? — Они уже сидели в машине, и Сергей достал из бара две бутылочки тоника.

— Не знаю. Дай. А что?

— В каком смысле — что? Чего ты боишься? Сначала выпей, потом я тебе кое-что объясню.

Алла сделала несколько глотков, не отводя от Сергея испуганных, огромных, застывших, как темные озера, глаз.

— Мы едем сейчас к эксперту, — Сергей смотрел на дорогу. — Фото ему дадим на всякий случай. Я потом найду нормальные снимки. Может, ты что-то сумеешь подсказать Александру Васильевичу — так зовут эксперта. Ты видела их близко когда-нибудь, этих родителей?

— Наверное, просто не знала, что это они. Я услышала об этой истории, когда дети одни остались... Сейчас увидела родителей на фото, но я слишком волнуюсь: не могу понять, встречала я их или нет.

— Слушай, перестань сжигать меня взглядом, я все-таки за рулем. Ты — журналистка, должна понимать, что экспертиза — это не слишком легкая для нервов процедура. Поэтому сделай что-нибудь со своими нервами, пожалуйста. Дело в том, что опознание пока вообще невозможно. Мы нашли сверток с расчлененным телом женщины, но там нет головы.

— Ой!

— Так часто бывает. Без головы нет дела. Пришлось просить разных отзывчивых ребят, в общем, поиски ведутся. Скорее всего, она в вашем районе. Мусорки, свалка — все надо обследовать.

— Ой!

— Прекрати! Ты кликушей становишься. Пока это не имеет никакого отношения ни к исчезновению Олиных родителей — все-таки времени много прошло, — ни к тому, что нет дома ее самой. Мы исключаем один из вариантов, понимаешь?

— Да.

— Ты отдашь нам все, что нашла, Масленников рассматривает фото, вдруг там есть особые приметы: родимое пятно заметное, татуировка. Качество он сможет улучшить. И все. А потом ты вроде к детям собралась?

— Да.

— Какая ты сегодня разговорчивая. Поедем вместе. Купим, что надо, ты к ним пойдешь, а я тебя подожду, потом домой отвезу. Алла, что с тобой? Ты как натянутая струна. У меня такое впечатление, что ты сейчас со звуком лопнешь.

— Правильное впечатление. Я хочу сказать. Сережа, я подозреваю свою мать в том, что она что-то сделала с Олей. Ну, не убила, конечно. Но девочка ей очень мешала. Мать могла кому-то заплатить, чтобы ее увезли. Или куда-то подальше в детский дом, или просто где-то высадили и бросили за Кольцевой, или... Не могу продолжать, ты сам понимаешь, какие варианты возможны. Оля — очень доверчивая, контактная девочка. Если ей кто-то скажет: там тебя ждет, к примеру, мама, папа, бабушка, — она спокойно сядет в машину.

— Ты считаешь, что Нина Ивановна могла на такое пойти?

— Да. Она — сумасшедшая. Скрытная, для всех тихая, правильная, а на самом деле — маньячка. Даже твоя мама сказала, что у нее, возможно, шизофрения. Она, оказывается, пыталась с ней разговаривать по поводу меня, когда мы учились в школе. Без толку.

— Моя мама слишком верит в непогрешимость разных теорий, диагнозов — медицинских и психологических. А человек на самом деле — это каша из того, пятого, десятого, двадцатого. В одних обстоятельствах — шизоф-

реник, при других — трусливый агрессор, иногда — отчаянный придурок, иногда — обыкновенный убийца. Это все, разумеется, не имеет никакого отношения к твоей матери. Я просто вспомнил разные типажи. Значит, ты считаешь, что Нина Ивановна могла так глупо поступить?

— Так подло. Да.

— Как, ты думаешь, ее можно заставить сказать правду?

— Это невозможно. Она — лживый человек в такой степени, что сама верит в свою ложь.

— Не знал, что у вас столь теплые отношения. Мы приехали.

Александр Васильевич встретил их в коридоре, провел в свой кабинет, взял у Аллы фото и документы и сказал ей сочувствующе:

— Я в курсе вашей проблемы. Надеюсь, с девочкой все быстро разрешится, как только Сережа найдет адрес дедушки. Это обычное препятствие — незарегистрированный брак. Просто дело техники. И фото посмотрим для закрытия болезненной для вас версии. Мы узнавали. Уехали родители Оли — Полина и Анатолий Марчук — полгода назад. По заявлению матери Полины объявлялись в розыск. Их не нашли, как вы знаете. Полагаю, не особенно искали. Возможно, они где-то на заработках. Хотели поехать ненадолго, но задержались. Конечно, с ними могло что-то случиться. Вероятность, что убитая женщина может быть матерью Оли, очень мала. Даже не совсем вероятность, так как Полина вряд ли могла находиться столько времени в вашем районе и только сейчас погибнуть. Но на этом этапе мы ничего не исключаем.

— Я понимаю, — кивнула Алла. — Я буду делать все, что вы скажете.

— Хорошо иметь дело с Кольцовым, — улыбнулся Масленников. — Симпатичные девушки становятся нашими коллегами. Очень рад знакомству.

Почему-то из лаборатории Масленникова Алла вышла обнадеженная. Она порозовела, торопила Сергея. Ей вдруг показалось, что сейчас все решится. Оля могла не успеть сообщить ей о своем отъезде, но к братьям и сестричке она обязательно должна заехать. Они пометались по «Ашану», накупили кучу всяких вкусных вещей и игрушек. Поехали к интернату.

— К нему надо идти дворами, — объясняла Алла. — Выйдем у школы, поставим там машину, потом минуем всякие бойлерные, гаражи — и увидим небольшой обшарпанный дом. Но внутри у них ничего, чисто, ремонт сделали...

Они вышли из машины со своими свертками и сумками. У школьных ворот стоял высокий красивый фонарь на столбе, покрашенном в белый цвет. Они взглянули на него и расхохотались. На этом столбе было нарисовано ярко-розовое сердце, а на нем надпись крупными буквами: «Анна Юрьевна сука».

— Лихо, — сказал Сергей. — Любовь наотмашь.

— Да, мне даже стало интересно на нее посмотреть. Соответствует ли характеристика действительности?

— Какие проблемы? Приедем первого сентября, оценим объективность автора.

Они прошли все дворы, Алла позвонила в ворота интерната, ей открыли (у нее был постоянный пропуск, как у волонтера), она забрала сумки у Сергея и легко побегала по двору. Картина маслом на столбе показалась ей хорошим знаком. Сейчас все выяснится.